

УДК 8(47)82

Г. Е. Горланов

СИМВОЛИКА ЗВЕЗДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Аннотация. Статья посвящена осмыслению образа звезды в поэзии Лермонтова. Этот образ проходит через все его творчество. Лермонтовские звезды, вобравшие поэтику символов, создают впечатление загадочности. Неоднократно обращаясь к звезде и Творцу этой звезды по разным случаям в стихах и прозе, Лермонтов не только верил в их живое существование, но и осмеливался с помощью воображения заглянуть в космос и послушать, «как звезда с звездой говорит».

Ключевые слова: символика, звезда, воображение, православие, свобода, покой, мотив.

Abstract. The article is devoted to the understanding of the image of star in Lermontov's poetry. This image passes through all his creative work. Lermontov's stars absorbing the poetics of symbols, create the impression of mysteriousness. Repeatedly referring to the star and its Creator for different cases in poetry and prose, Lermontov not only believed in their real existence, but dared to look up in cosmos and listen to a "star with a star talking" also with the help of imagination.

Keywords: symbolism, star, imagination, orthodoxy, freedom, peace, motif.

Образ звезды – один из частых мотивов в творчестве М. Ю. Лермонтова. Писатель использует этот образ в поэзии и прозе. В главе «Фаталист» романа «Герой нашего времени» символика звезды помогает автору решить проблему предопределения судьбы. «...Звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права. И что же? Эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтоб освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ними, как огонек, зажженный на краю леса бес печным странником!» [1].

Прекрасен сам по себе ночной пейзаж с рассыпанными на темно-голубом пространстве спокойно сиявшими звездами. Какое они могут иметь отношение к людям? Рассказчику даже стало смешно, «что светила принимают участие в наших ничтожных спорах». Это рассуждение здравомыслящего, образованного человека, интересующегося астрологией. Все здесь реалистически материалистично. Далее акцент меняется, и на смену здраво рассуждающему серьезному человеку приходит художник с воображением и с философией. Продолжаем читать дневник Печорина. «Но зато, какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо, с своими бесчисленными жителями, на них смотрит с участием, хотя немой, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без на-

слаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы неспособны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя и сильного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою...» [1].

Небо и Земля, Люди и Звезды. Жалкие и слабые люди, вззирающие на небо, видя их спокойное мерцание и таинственную отдаленность, начинают думать о заманчивой связи с ними. Если они есть, значит, кто-то их сотворил, значит, они кому-то нужны. Трава, деревья, реки, озера, солнце, наконец, в небе все они впрямую связаны с деятельностью человека. Солнце освещает землю и одаряет своим теплом жизнь на ее безмерных просторах. Когда же оно переусердствует, создавая зной на полях, то люди многочисленными крестными ходами обращаются с молебствиями к Небу, и оно частенько помогает людям, посылая на Землю долгожданный дождь. А что звезды? К ним, начиная с детских лет, постоянно обращался Лермонтов, чувствуя их какую-то особенную значимость. Да только ли он? А волхвы и другие поэты во все времена, ученые, простые люди? Вдруг расположение звезд, пусть не всех, но наиболее приближенных к Богу, влияет на судьбы людей? Многие века, развивая такое предположение, убеждали в правоте таких мнений многих живущих на земле, причем не дожидаясь научных экспериментов ученых-астрологов. И вот уже на Земле по-хозяйски звучат афоризмы типа «браки совершаются на небесах».

Теперь спустимся с высоких и прекрасных лермонтовских высот на грешную, опять-таки лермонтовскую землю с его же миропониманием. Встреча со звездами началась для писателя рано. В детстве еще, живя в Тарханах, он любил уединенные места в обширной барской усадьбе, частенько оставался наедине с природой, со своими недетскими думами и переживаниями. В послании к «Н. Ф. И» он признается: «Любил с начала жизни я / Угрюмое уединенье... Что ум мой по пустыкам к чему-то тайному стремился» [1].

Горько было мальчику ощущать семейные распри родителей между собой и с бабушкой. В одну из драматических минут и мог появиться «взгляд, исполненный огня» или «нежный взор». О недосказанных лермонтовских тайнах всякий раз размышляешь, когда читаешь его признание. Вот, скажем, в обращении к «Звезде»:

Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу
И хоть нельзя – смотреть его хочу... [1]

Что это за взгляд, «исполненный огня»? Так могло смотреть разумное существо, обладающее огромной энергией, которое видят лишь раз, одно мгновение наиболее одаренные в какой-либо сфере отдельные индивидуумы. Есть разные мнения относительно Бога. Он может быть сгустком высокой энергии, рождающим нас и весь космос, в который мы после прохождения земного пути вновь приходим, набравшись опыта, кто в большей, кто в меньшей степени. По Е. П. Блаватской, «Бог есть космический круг, центр которого везде, а окружность нигде» [2].

Символы могут быть разными. Разумные существа люди привыкли изображать Его, подобно себе, в человеческом облике. От времени к времени Он посылает на живущие планеты своих пророков. Все звезды и другие космические тела находятся в постоянном его подчинении. Сами звезды видят все земляне, а вот видеть и ощущать особое свечение их дано не каждому. Образ лермонтовской звезды не метафора как изобразительно-выразительное художественное средство, это нечто существенное, что еще раз подчеркивает одухотворенный образ, отмеченный писателем широким смысловым наполнением, это своего рода откровение судьбы, окруженное атмосферой таинственности, поскольку находится за пределами реально воспринимаемого объекта.

Неоднократно обращаясь к звезде и к Творцу этой звезды по разным причинам в стихах и прозе, Лермонтов не просто верил в их живое существование, но и осмеливался с помощью воображения заглянуть в космос и послушать, «как звезда с звездой говорит». Может быть, это покажется кощунственным для тех служителей религии, кто придумывает каноны правил и заповестей, однако это не может расходиться с замыслом Божиим, по которому все люди на Земле рождаются с возможностями размышлять. В отличие от других земных существ, обитающих на планете, Господь наградил человека разумом. У нас есть души, принадлежащие Богу. Он дал возможность действовать с помощью рук, ног, разума, ибо без работы приостановится жизнь, не будет энергии для видимой и невидимой связи с основополагающей силой.

Звездное небо, по которому мысленно блуждал Лермонтов и которым любуемся мы, только декорация с многочисленными светилами, как это бывает на сценах во время представления спектаклей, и только за ней начинается, а правильное, продолжается неведомое бесконечное пространство. Из множества существующих видов энергии особым образом выделяется таинственный свет особой звезды, в мерцаниях света которой присутствует луч Живого Бога: человеческие понятия «целое» и «часть» к Нему неприменимы. В церковных таинствах христианин в той или иной мере ощущает, усваивает эти энергии. Вот их-то как раз, возможно, и наблюдает подвижник «внутренними очами» как Фаворский свет – тот самый, который видели ученики Иисуса Христа при Его преображении на горе Фавор. Великие молитвенники-исихасты неоднократно предупреждали: гордыня и самомнение, небрежение настроениями церкви неизбежно приводят к тому, что силы зла обманывают подвизающегося в «умном делании» ложным светом, который он принимает за божественный. Князь Тьмы легко прикидывается Ангелом Света, чтобы подчинить себе человеческую душу, сделать ее своим орудием» [3, с. 38]. Праведный видимый свет дается не всем, а только особо избранным. По мнению епископа Тихона, «блаженна есть таковая душа, которую Божественный озарит свет» [4]. Лермонтов попал в их число.

Неужели мальчик в сельской вечерней тишине средней полосы России лицеизрел Ангельский Свет Князя Тьмы? Зачем бы это надо было его сатанинскому сиятельству Князю являться пока что неизвестному совсем, не согрешившему ни в чем Лермонтову? Не будем спешить с ответом, отметим лишь, что современные православные богословы допускают такие видения у тех, кто практикует восточные системы дыхательно-медитативных упражнений. Сведений о занятиях таким искусством в имении Арсеньевой у нас нет. К тому же даже специально занимающиеся йоговскими упражнениями по официальной христианской версии могут в лучшем случае видеть «тот тварный

свет, который изначально присутствовал и присутствует в Божьем творении, но отнюдь не сами божественные энергии» [3, с. 39]. Хочется верить в «тварный свет» русского православного мастера слова Лермонтова. Тихон, епископ Воронежский и Елецкий, мудро говорил: «Когда светильник веры в сердце сияет (а у Лермонтова, судя по стихотворению, так и было – Г. Г.), человек все духовное ясно видит, Бога не видимого ярко видимого и прочия не видимая яко видимая видит, и дела Христианскому званию приличная делает» [4].

Что касается образа звезды, то она будет проходить через все творчество Лермонтова. Ее символ, имеющий устойчивый характер, к сожалению, не выведен лермонтоведами в понятие «мотивы». Под мотивом понимается устойчивый смысловой элемент литературного текста, включающий в себя комплекс чувств и переживаний, повторяющийся в нескольких произведениях одного автора или нескольких авторов. В большом обобщающем труде «Лермонтовская энциклопедия» вполне справедливо и удачно прокомментированы многие «мотивы» («свобода» и воля», «действие и подвиг», «одиночество», «странничество», «изгнанничество», «родина», «память и забвение», «обман», «мщение», «покой», «сон», «игры», «путь», «время и вечность», «любовь», «смерть»), но не нашлось места мотивам «звезды». Между тем к этому образу Лермонтов обращался очень часто и в лирике, и в прозе, и в драматургии, и в письмах. Более того, этот образ характерен не только для литературы, начиная с Ломоносова и кончая писателями XXI столетия, но и для повседневной жизни русского человека, издревле обращавшего свои пристальные взоры на загадочные звезды. Оно и понятно: людей всегда влекло незнание, а Лермонтов по-своему выражал этот интерес русского народа.

Даниил Леонидович Андреев в историософском трактате «Роза мира» называет Лермонтова великим мистиком, созерцателем «обеих бездн» [5]. В стихотворении «Смерть» его автор задолго до Андреева говорил, что жил «между двух жизней в странном промежутке». В таком утверждении много справедливого. Если Лермонтов пишет про взгляд «давно закрылся для меня», то значит, он мог появиться только в детском возрасте (стихи написаны 16-летним юношей в 1830 г.). В это же время у поэта появилась еще одна стихотворная «Звезда», влекущая к себе юношу. Здесь такой же художественный прием сравнения. Только появляется не огненный взгляд, а нежный:

Она влечет
И с высоты
Меня зовет.
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор [1].

Лермонтовские звезды, вобравшие поэтику символов, как художественные образы, находясь в статическом положении, создают впечатление загадочности. Физики-теоретики считают, что все предметы, одушевленные или неодушевленные, передают (излучают) информацию о себе. Вся атмосфера насыщена разными биополями с неодинаковыми диапазонами волн. Живя в таком мире, мы не можем не реагировать на колебания вокруг нас. Колебательные процессы так или иначе реагируют на наше подсознание. Некоторые из них мы вольно или невольно пытаемся зафиксировать в нашем сознании. Видимо, для Лермонтова звезда или звезды, которые он мысленно

и через поэтические строчки фиксировал в своем сознании, оставили нестираемый след и постоянно напоминали о себе. Человек относится, вероятно, к числу наиболее чувствительных источников, колебания от которых достигают космоса. При этом каждый индивидуум имеет свою силу энергии, большую или меньшую. Если космос, насыщенный разными телами, тоже передает информацию, то очень важно, чтобы частоты и амплитуды колебаний, хотя бы в небольшом процентном соотношении, совпадали. Когда лермонтовские биотоки, обладавшие большой энергетической силой, соприкасались с имеющимися в космосе колебаниями, получался необыкновенный словесный результат.

Тишина и уединение тенистой барской усадьбы способствовали сосредоточению на каком-либо главном предмете. Юный поэт настраивается на видение в тиши, поскольку в подобных ситуациях передающая среда (эфир, физический вакуум) посылает информацию от других предметов с меньшей силой интенсивности. Информация к звезде идет от мозга, возможно, с произнесением звуков (это первая стадия). Поэт получает импульсы из галактики, достигающие слуха и зрения, мозга, всех клеток тела землянина (это вторая стадия). Вспыхнувший биоточный диалог в конечном счете обрабатывается с помощью художественных образов и воображения, что дает общее расположение к творчеству: и вот уже «...и ум и сердце полны, и / Рифмы дружные, как волны, / Журча, одна во след другой...» [1]. Не исключена возможность создания искомого образа до того, как поэт загляделся на звезду.

Подобное явление лицезрел во время литургии в Великий Четверг чудотворец наш Серафим Саровский. Сам он рассказывал: «...Вдруг меня озарил луч как бы солнечного света и увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, в образе Сына человеческого, во славе сияющего неизреченным светом, окруженного небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами...» [6].

Если бы чудесное видение было у кого-либо другого, можно было бы и усомниться. «Все стоящие в храме поняли: с иеродиаконом что-то произошло – он словно окаменел и не мог вымолвить ни слова. Другие протодиаконы под руки отвели его в алтарь, где он простоял неподвижно около двух часов. Странное происходило с ним: лицо поминутно изменялось – то бледнело, то заливалось румянцем, словно в нем боролись разные силы» [6].

Будем объективными, подобные видения вряд ли могли явиться Лермонтову, не посвятившему себя служению Богу. У него «взгляд, исполненный огня», «нежный взор». Подобное с Лермонтовым могло твориться во время написания стихов, когда его душевные волны работали в унисон с божественно-космическими. Тем не менее что-то все-таки и с ним случалось. Символика Лермонтова не является реалистической данностью какого-либо явления или осязаемого предмета, одушевленного или неодушевленного, а ее интуитивно возникающей сущностью, рождаемой творческим воображением. Его образ-символ как явление искусства несет в себе элемент двусторонности, «отражая те или иные элементы действительности, становится в то же время воплощением элементов, «явлений» романтического мира, созданного воображением поэта, воплощением его мечты, его идеала» [7].

В «Выхожу один я на дорогу...» образы-символы, создающие мотивы пути, звезд, одиночества, пустыни, так искусно взаимодействуют между собой, что создают обобщенную метафору, соединяющую символику ранней

лирики со «Звездой» («В дали одна горит звезда...») с теперешней неземной реальностью, с условным изображением, напоминающим космический пейзаж, в центре которого земное существо с человеческим мироощущением. Такое могло произойти и в другой цивилизации, на иной планете.

Теперешняя наука о космосе дает нам прямой повод такому воображению, когда мы погружаемся в ощущения путника, торжественно выходящего на кремнистый путь, таинственно блестящий, как лунная дорожка в тумане, а голубое сияние, расцвеченное блесками разговаривающих звезд, как бы сохраняет покой планеты. В этот покой стремится попасть вышедший на дорогу человек. Имея о нем представление по высказанным им мыслям в прозе и в поэзии, зная его по предсказанным ранее судьбоносным решениям, по художественному приему антиномичности («...забыться и заснуть, но не тем холодным сном могилы»), мы ни на минуту не можем сомневаться в том, что это сам Лермонтов с его неподдельными сердечными страстями, передающими на время рассудочное мышление своему лирическому герою. Несмотря на необычайную индивидуализированность символотворчества, в каждой звукописи ощущается присутствие обобщенного образа, стремящегося к одному типу мышления.

В такой противоречивости опять-таки угадывается архетип русского человека. Магия лермонтовской фантазии, беря в полон читательские чувства, не заканчивается определенными выводами, они продолжают нескончаемо жить в сознании, причудливо меняясь местами: то «свобода» выходит на первые позиции, то «покой». Главное же – они не могут жить порознь, как не могут жить друг без друга «ночь» и «день», «Земля» и «Небо». Интерес Лермонтова к Небу и Звездам можно объяснить стремлением постижения эстетического и этического земного через небесное.

В лермонтовских строчках чувствуется мощная энергия автора. Такое ощущение, будто бы каждое слово имеет вес, цвет, запах. Их можно запросто взвесить на воображаемых лингвистических весах. Для кого-то безучастная, сумрачная природа и человек отделены друг от друга. У Лермонтова нет никакой боязни перед могучим космосом: у него все гармонично, «торжественно и чудно», он слышит, как «звезда с звездой говорит», а человек одинок. У автора стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» – мощь духа, разговор с Природой на равных, он, пусть и не чувствует себя царем Природы, но разговаривает с ней на равных, мечтает заснуть, но «не вечным сном могилы».

Невольно приходит на память статья Д. С. Мережковского «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества», где поэт в «человеческом облике не совсем человек», пришелец из «четвертого измерения» в «третье» [8]. Непривычно звучит такое заявление, в некоторой степени оно спорно, и все-таки в таких рассуждениях что-то есть. У Лермонтова же его мысль выражена в едином мелодичном ритме, помогающем читателю постигнуть многосложную диалектику бытия, применяя его там, где без символики не может быть выражена правильно мысль, когда «холодной буквой трудно объяснить боренье дум». Исследователями, обращавшимися к анализу стихотворения «Выхожу один я на дорогу...», отмечены истоки такой ритмико-интонационной организации, которая имеет место быть в псалмических источниках (псалом 8 и 103). «Однако очевидно здесь и метафизический конспект евангельского слова в том числе» [9].

Символу Лермонтов придавал особое значение, расширяя его функции. Дионисий Ареопagit считал, что символу по плечу «реально являть мир сверхбытия на уровне бытия» [10]. Ритмико-мелодической организацией, формирующей символические мотивы, поэт обостряет антиномические по своей сути «свободу» и «покой» («Я ищу свободы и покоя...»). Свобода в философском плане предполагает некое движение, действие, развертывание возможностей человеческой личности, попытку осуществлять добрую или злую волю. «Покой же нечто противоположное движению. Подробнее эта проблема разработана В. А. Котельниковым в статье «Покой» в религиозно-философском и художественном контекстах» [11]. Поэт стремится к умиротворению, к царству вечной любви и всеобщей гармонии, т.к. это есть в космическом пространстве, где тихая ночь и мирно разговаривающие между собой звезды и «пустыня внемлет богу».

Образ звезды у Лермонтова, как было сказано, один из самых часто встречаемых. Поэт одушевил его, приблизив к человеку. «Лермонтовская энциклопедия» свидетельствует, что это слово встречается в творчестве Лермонтова 124 раза. Крылатым выражением стало «И звезда с звездою говорит». В поэзии XX столетия эта «беседа» нашла широкую интерпретацию. У Светлова звезды смотрят «музыкальными глазами». Николай Рубцов целый поэтический сборник назвал «Звезда полей». Продолжая метафорический ряд со звездами, начатый еще Ломоносовым, Федоров подсматривает, как Земля «в расприх доброго и злого духа / Так и жметя к частоколу звезд...», или подслушивает «шуршанье звезд на пологие небес».

Статью мы начинали с пейзажной (астрономической) картины звездного неба. Печорин посмеялся («и мне стало смешно») над «премудростью» людей, живших ранее, «думавших, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах...». И вот после случившегося рокового вечера он вновь обращает свой взор к звездам. И... несмотря на то, что Печорин посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, он «попал невольно в их колею». «...Но я остановил себя вовремя, – вспоминает он в дневнике, – на этом опасном пути и, имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не верить слепо, отбросил метафизику в сторону и стал смотреть под ноги» [1].

Такая предосторожность была кстати. Печорин, наткнувшись на свинью, разрубленную шашкой, начал думать о земном, об опасности, нависшей над ним, – оказался на месте зарубленной свиньи пьяный казак с шашкой... Это звезды, передавая свои невидимые биотоки, заставили его смотреть под ноги. Стало быть, связь с Небом и разместившимися там звездами тоже есть. К этой истине предки пришли раньше Михаила Юрьевича. Нет, нельзя иронизировать над опытом прошедших веков. В жизни на земле, как и в космосе, все взаимообусловлено и связано между собой многочисленными невидимыми энергетическими нитями. Если «на темно-голубом своде» спокойно сияли звезды и «месяц, полный и красный (ох, уж это злополучное полнолуние! – Г.Г.), как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов» [1], так значит это кому-то было надо, значит, это своеобразный знак предопределения. Вспомним, как в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» заря алая подымалась не к добру: «Уж зачем ты, алая заря, просыпалась? На какой ты радости разыгралась?» [1].

Печорин после разгадки предопределения также займется поисками спасения своей души, но прежде еще раз испытает свою волю на предмет предопределения своей судьбы: все ли решается по конкретным людям на Небе или же все зависит от воли людей? Опять-таки наталкивают на размышление звезды.

Список литературы

1. **Лермонтов, М. Ю.** Собр. соч. : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. – М : Худож. литература, 1964. – Т. I–IV.
2. **Блаватская, Е. П.** Тайная доктрина, синтез науки, религии и философии / Е. П. Блаватская. – Сиинь, 1993. – Т. 2. – Кн. 4. – С. 602.
3. Православная полная энциклопедия. По благословлению Высокопреосвященнейшего Евлогия, Архиепископа Владимирского и Суздальского. – М. : Весы, 2007.
4. **Тихон, Т. (Соколов Т. С.).** Сокровище духовное от мира собираемое / Т. Тихон (Т. С. Соколов). – СПб., 1976. – Ч. 2. – С. 79.
5. **Андреев, Д. Л.** Роза мира / Д. Л. Андреев. – М. : Творчество Крышников-Комаров и К°, 1993.
6. Православные святые. – СПб., 1996. – С. 354.
7. **Соколов, А. Н.** История русской литературы XIX века / А. Н. Соколов. – М. : МГУ, 1960. – С. 80.
8. **Мережковский, Д. С.** М. Ю. Лермонтов – поэт сверхчеловечества / Д. С. Мережковский. – СПб., 1909. – С. 88.
9. **Евчук, О. П.** Религиозно-философские парадигмы поэзии М. Ю. Лермонтова / О. П. Евчук // Лермонтовский выпуск № 7. – Пенза, 2004. – С. 21.
10. **Бычков, В. В.** Византийская эстетика / В. В. Бычков. – М., 1977. – С. 129.
11. **Котельников, В. А.** О христианских мотивах у русских поэтов / В. А. Котельников // Литература в школе. – 1994. – № 3.

Горланов Геннадий Елизарович

кандидат филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
литературы и методики преподавания
литературы, Пензенский
государственный педагогический
университет им. В. Г. Белинского,
член Союза писателей России

Gorlanov Genady Elizarovich

Candidate of philological sciences,
professor, head of sub-department
of literature and literature teaching methods,
Penza State Pedagogical University
named after V. G. Belinsky,
Russian Writers' Union member

УДК 8(47)82

Горланов, Г. Е.

Символика звезды в творчестве М. Ю. Лермонтова / Г. Е. Горланов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 2 (10). – С. 52–59.